



УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-9

Павлюткин И. В.
Зуева А. В.

Сетевые исследования крестного родительства:
возможности и ограничения

Лаборатория «Социология религии»
Православного Свято-Тихоновского университета
ул. Новокузнецкая, д. 23Б, Москва, 115184, Россия
vanya-ne@yandex.ru
avzueva@socrel.ru

Аннотация. Данная статья посвящена обзору социально-исторических и антропологических исследований крестного родительства или духовного родства, выполненных с помощью методологии сетевого анализа. В ней описаны возможности этого подхода для анализа социальной структуры сообществ, а также представлены ограничения, связанные со спецификой получения и анализа данных. Сетевой анализ отражает парадоксальность феномена крестного родительства, с помощью которого исследователи проблематизируют устоявшиеся в социальных науках институциональные понятия диадической и структурной связи, сильной и слабой связи, замыкающего (bonding) и открытого (bridging) социального капитала. По представленным результатам исследований можно говорить о многочисленных сетевых эффектах этого института: укрепление солидарности локального сообщества, дифференциация и воспроизводство социальных статусов, связывание разных социальных классов и торговых регионов. Так как подобные исследования не проводились на российских данных, то представленные в нем идеи могут способствовать формулированию исследовательских гипотез для тестирования на данных православных приходов и общин.

Ключевые слова: крестное родительство; духовное родство; фиктивное родство; сетевой анализ; христианство

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Фонда развития ПСТГУ и Фонда «Живая традиция». Проект: Социальное значение крестного родства в современной России № 1-0046/22.

Информация для цитирования: Павлюткин И. В., Зуева А. В. Сетевые исследования крестного родительства: возможности и ограничения // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 121-132. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-9

Reserch article

Ivan V. Pavlyutkin
Anna V. Zueva

Network approach in godparenthood studies: opportunities
and limitations

Sociology of Religion Laboratory in St. Tikhon's University
23B Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia
vanya-ne@yandex.ru
avzueva@socrel.ru

Abstract. This article is aimed at the review of socio-historical and anthropological studies of godparenthood or spiritual kinship, carried out using the methodology of

network analysis. It describes the possibilities of this approach for analyzing the social structure of communities, as well as the limitations associated with the specifics of obtaining and analyzing data. The network analysis reflects the paradoxical phenomenon of godparenting, with the help of which researchers problematize the institutional concepts of dyadic and structural relations, strong and weak ties, closing (bonding) and open (bridging) social capital, well-established in the social sciences. According to the presented research results, we can talk about the numerous network effects of this institution: strengthening the solidarity of the local community, differentiation and reproduction of social statuses, linking different social classes and trading regions. Since such studies have not been conducted on Russian data, the ideas presented in it can contribute to the formulation of research hypotheses for testing on data from Orthodox parishes and communities.

Key words: Godparenting; fictive kinship; spiritual kinship; network analysis; Christianity

Acknowledgment: The project was supported by Saint Tikhon's Orthodox University and the Active Tradition Foundation in 2021-2023.

Information for citation: Pavlyutkin, I. V., Zueva, A. V. (2024), "Network approach in godparenthood studies: opportunities and limitations", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (1), 121-132. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-9

Введение (Introduction). Крестное родительство – сложный социальный и религиозный феномен, в основе которого лежит создание и поддержание связей, нередко интерпретируемых учеными в сфере либо в категориях родства (ритуального, фиктивного), либо в категориях его противоположностей, а именно дружбы или духовной близости (Gudeman, 1971; Mintz, Wolf, 1950)¹. Помимо своего содержательного значения, связанного с вхождением человека в христианскую общину², через крещение также происходит связывание семей и различных статусных групп между собой, что способствует как усилению моральной плотности, так и расширению ареала социального доверия³. Антропологические исследования, указывающие на примеры его устойчивого и эффективного функционирования в 20 веке реализованы

преимущественно в странах с преобладанием католического населения (Испания, Италия, Ирландия, Мексика) (Anderson, 1957; Foster, 1953; Heady, 2018; Pitt-Rivers, 1958; Tait, 2005; van Den Berghe, van Den Berghe, 1966). В странах с православным населением таких исследований проводилось довольно мало (Греция, Сербия, Болгария), а в постсоветской России, пережившей форсированную секуляризацию, они не проводились вовсе (Aschenbrenner, 1975; Hammel, 1968; Hristov 2018; Pitt-Rivers, 1976). Будучи феноменом, приписываемым к обществам традиционным, для которых характерны преобладание коллективного сознания над индивидуальным, общность воли, закрытость сообществ, крестное родительство, по мнению исследователей – социальных историков и антропологов не

¹ Несмотря на то, что данные категории обозначались в антропологии как противопоставленные, именно в исследованиях ритуального родства было показано, что они имеют множество пересечений (Pitt-Rivers, 1973).

² Узы крестничества устанавливаются между крестником (чаще всего ребенком), биологическими родителями и восприемниками ребенка – крестными родителями. Само установление связи произво-

дится через таинство Крещения, которые накладывает определенные обязательства на крестных родителей по отношению к ребенку в соответствии с церковными нормами/правом (Юрченко, Юрченко, 2024; Lynch, 1986).

³ Надо отметить, что в антропологии крестное родство описывается как один из примеров ритуального родства и института восприемничества, который распространяется за рамками христианских обществ (Косвен 1963).

вписывается в рамки такого рода определенных (Pitt-Rivers, 1968;). Напротив, исследования создания и расширения связей крестного родительства в Европе показали, что для описания его значения необходимо обратиться к понятиям, характеризующим отношения в современных более открытых обществах (Vasile, Cash, Heady, 2018). Обсуждению этой специфики посвящена данная статья. Ее основу составляет обзор социально-исторических и антропологических исследований крестного родительства, реализованных с применением терминологии и инструментов сетевого анализа в социальных науках⁴. Такие понятия как триада Г. Зиммеля, малая группа Т. Миллса, социальная сеть Дж. Барнса, социальный капитал Дж. Коулмана, слабая связь или «мост» М. Грановеттера и т.п. – все это новые способы различения между родственными, соседскими, профессиональными, предпринимательскими сетевыми связями, которые указывают на эффекты неизвестных традиционному обществу социальных форм в новой общественной структуре (Грановеттер, 2009; Barnes, 1954; Coleman 1988; Pescosolido, Smith, 2021). Мы утверждаем, что использование данной терминологии сетевых связей и социального капитала для объяснения эффектов духовного родства на разных исторических кейсах не случайно. Оно отражает парадоксальность этого феномена, с помощью которого исследователи проблематизируют устоявшиеся в социальных науках институциональные понятия диадических и структурных связей, сильной и слабой связи, замыкающего (bonding) и открытого (bridging) социального капитала. В статье будут описаны возможности, которые предоставляют сетевые исследования крестного родительства в объяснении структуры социальных связей на нескольких примерах, а также описаны

ограничения таких исследований, связанные преимущественно с методологией сбора данных.

Методология и методы (Methodology and methods). Прежде всего необходимо пояснить, что означает применение сетевого анализа для изучения крестного родства. В фокусе зарубежных ученых как правило оказываются конкретные сообщества и приходы (католические или лютеранские), наблюдаемые в конкретный исторический период, что превращает само исследование отношений крестного родства в анализ локального случая. Его итогом является построенная сеть какого-либо сообщества, внутри которой анализируются различные сетевые метрики и эффекты, связанные с отношениями между крестными и восприимчивыми или же отношениями между семьями, породнившимися по факту совместного крещения ребенка. В отобранных для обзора статьях можно проследить два сюжета: (1) непосредственный анализ сети духовного родства и позиций внутри нее и (2) функции передачи материальных и нематериальных ресурсов посредством имеющейся сети.

Эмпирическим материалом, на основании которого происходит построение сети сообщества, чаще всего являются записи крещальных книг местного прихода. В случае отсутствия подобного материала могут быть использованы личные записи или дневники, по которым также стараются восстановить сеть одной семьи (Stojanović, Lonza, 2015). При этом не всегда авторы визуализируют полученную информацию с помощью графов⁵; чаще они просто описывают перекрестные таблицы по различным признакам: количество крестных, социальные классы/сословия. Например, в одном из исследований на данных приходских книг

⁴ После поиска и предварительного анализа соответствующих источников для подробного рассмотрения были отобраны 10 статей. Если говорить об узком фокусе исследований крестного родительства с использованием категориального аппарата и методологии сетевых исследований, то список данных

статей является представительным. Большого количества неповторяющихся по смыслу текстов нам найти не удалось.

⁵ Ярким примером может служить исследование под руководством Г. Альфани сообщества города Нонантолы (Alfani, Munno, 2012).

португальского города была применена методика вычисления престижа в местном обществе на основании оценок крестного родительства. Каждый выбор крестного родителя считается взвешенным голосованием, которое делает отец ребенка при назначении крестного отца или крестной матери ребенка. Количество номинаций, полученных потенциальным крестным, определяет ценность или вес отданного за него голоса. Родители, которых чаще просят стать крестными отцами, отдают более ценные голоса при выборе крестных родителей для своих детей. Итоговый балл рассчитывается для каждого крестного, и оценка зависит не только от того, сколько раз он или она были выбраны в качестве крестного отца, но и от оценок тех, кто выбрал его или ее. Родители, которых никогда не выбирали в качестве крестных родителей, имеют нулевой балл. Вполне возможно, что человек, который является крестным родителем один раз, в конечном итоге получит высокий балл, если отцом ребенка сам был человек с высоким баллом. Такая методика позволяет на основании данных о крещении определить центральность тех или иных семей внутри сообщества, которые будут обладать большим престижем в сравнении с другими (Carvalho, Ribeiro, 2008). Важной спецификой таких исследований является фактическое рассмотрение ребенка как связующего узла между семьями, хотя фокусом анализа являются связи между взрослыми или семьями в целом.

Использование крещальных книг в качестве источника данных налагает определенные ограничения на анализ данных. Подобный эмпирический материал не всегда обладает полнотой: книги могли содержать записи за ограниченный период времени, не по всем детям в одной семье (например, в случае если семья переезжала или крестные были из другого города и могли уехать

крестить в другой город), не было записи всех крестных. Соответственно, мы никогда не сможем утверждать, что по итогам сбора и анализа данных была построена полная сеть прихода⁶. Данное обстоятельство само по себе может служить свидетельством постепенного размыкания приходов в силу усиления мобильности в регионах Европы. Ограничения связанные с возможностями построения полной сети прихода или города, повышают важность построения и анализа эго-сетей⁷, для которых можно определить разные метрики центральности для выявления наиболее влиятельных акторов, как с точки зрения их статуса в социальной структуре, так и их значения в качестве посредников между другими более или менее статусными акторами.

Для анализа как правило не берутся записи за определенный и достаточно большой период времени, что позволяет анализировать структурную динамику внутри религиозного сообщества. При этом, поскольку используются данные крещальных книг, в которых фактически фиксируется только запись о крещении ребенка и его новых связях с крестными родителями возникает ограничения для интерпретации, связанные с самими отношениями между семьями. С одной стороны, может быть собрана дополнительная информация по тем или иным статусным персонам. С другой стороны, структурные данные не позволяют оценить, насколько серьезно крестные родители относятся к своим новым обязанностям? Отличается ли отношение к этим обязанностям среди разных сословий или классов в определенном историческом периоде? Несмотря на то, что в большинстве исследований ребенок выступает в роли некоего связующего субъекта между биологическими и крестными родителями, о связи ребенок-крестные родители на таких данных можно думать только в логике структурных

⁶ Полная же сеть представляет собой совокупность акторов и связей между ними. (Врублевская, Забаев, Орешина, Павлюткина, 2018: 104).

⁷ В центре эго сети стоит актор («эго»), а вокруг него располагаются люди, с которыми он связан. (Врублевская, Забаев, Орешина, Павлюткина, 2018: 104).

признаков сети. Также остается вопросом, насколько характеристики данной связи видоизменяются с процессом взросления ребенка. Если резюмировать – в сетевых исследованиях связи духовного родства анализируются как отражение структуры отношений, а не набор диадических связей между субъектами внутри этой структуры.

В качестве примера приведем исследование, которое отличается по своей методологии на фоне остальных сетевых случаев (Ebaugh, Curry, 2000). Исследование Роуз Эбау и Марии Карри строилось на данных интервью, где, в частности, обсуждалась тема фиктивного родства как важного инструмента в понимании адаптации мигрантов в США в 1980-х годах двадцатого века. Обсуждая специфику нескольких систем фиктивного родства распространённых в среде иммигрантов – компадразго⁸ среди испаноязычных иммигрантов, структуру родства Йоруба, основанную на священстве, и систему уважения и родства, установившуюся среди азиатских иммигрантов, авторы выясняют механизмы сетевых связей, которые позволяют удерживать мигрантские сообщества в США. В данном случае связь крестного родства анализировалась как признак социального капитала, а методологически у этого исследования сложился совершенно другой дизайн сбора и анализа данных, где главной темой была не структура, а генерирование социального капитала субъектами отношений родства. Поскольку интервью собирались на протяжении нескольких лет, то удалось пронаблюдать динамику таких сообществ.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Центральной темой исследований крестного родительства является определение и описание структуры сообществ, которые способствуют тем или иным индивидуальным или коллективным результатам. Например,

исследование Маргрит Бирбюль про социальное доверие и коммерческие отношения в зарубежной торговле Британии раннего Нового времени, в котором крестное родительство или духовное родство выступают важным инструментом снижения рисков для честной торговли в контексте слабого развития экономических институтов (Beerbühl, 2011). Проанализированные сети духовного родства выступали моральным основанием для ведения дел на длинные дистанции. Или в исследовании Э. Роуз и М. Карри, посвященном институтам адаптации мигрантов, была выявлена важная роль фиктивного родства в интеграции приезжих в местное сообщество и местную культуру (Ebaugh, Curry, 2000). Кроме того, крестное родительство позволяет сохранять традиции и преемственность в чужой стране, что в свою очередь помогает сохранить этническую идентичность. Также оно является способом социального контроля, так как в сообществах важны репутация, социальная солидарность и взаимное сотрудничество. Социальный контроль распространяется на создание семейных отношений, контролируя вступление в брак (Ebaugh, Curry, 2000: 201-202).

Как уже было показано выше, в дискуссии о значении крестного родства в конкретной социальной структуре исследователи не ставят задачи построения полной сети сообщества, а фокусируются на отдельных процессах и эффектах, которые становятся различимы через сетевой анализ. Ключевыми сюжетами в таких исследованиях являются: социальное позиционирование внутри сообщества и между сообществами через выбор крестных родителей и крестников; крестное родительство как инструмент сообществления, то есть закрытия и укрепления связей сообщества, а также как инструмент открытия сообщества через наведение «мостов» с другими сообществами или статусными группами;

⁸ Если переводить его буквально, то в английском языке будет термин “co-parenthood” или сородительство, калька с исп. compadrazgo).

крестное родительство как инструмент установления связей доверия и моральных обязательств (социального капитала) на длинной дистанции между разными группами в процессе обмена (международной торговли). Данные темы могут обсуждаться отдельно на разных примерах социально-исторических исследований или же пересекаться внутри анализа одного случая.

Социальное позиционирование⁹ – это процесс, где люди заявляют (assert) свои позиции относительно друг друга (Carvalho, Ribeiro, 2008: 173). Например, можно говорить об утверждении иерархии между определёнными семьями или статусными группами, или же наоборот, о снятии власти иерархии через установление отношений духовного родства, что как подчеркивается исследователями, связано с семейными стратегиями. Например, Ж. Рамос и А. Рибейро на примере сетевого исследования приходских книг португальского города 17-18 века указывают, что ритуальное родство аналогично браку являлось одним из важных способов установления социальных связей между различными группами внутри сообщества и между разными сообществами. Ритуальное родство также оказывало существенное влияние на саму возможность заключения брака. В качестве крестных родителей выбирались те люди, с которыми по каким-либо причинам не представлялось возможным заключить брачный союз, но включение которых в сеть отношений представляется желательным по каким-либо причинам (Carvalho, Ribeiro, 2008). Аналогичную функцию можно проследить и между сообществами, а не только внутри них. Например, Э. Видали в исследовании сетей венецианской знати XVI века показал, что в качестве духовных родственников власть имущих могли выбираться представители других городов и губерний, что свидетельствовало о желании Венеции сотрудничества и улучшения

пломатических отношений, в том числе, в противовес власти Римской церкви (Vidali, 2022).

При разговоре о закрытости/открытости статусных групп или сословий обращают внимание на происхождение крестного родителя: происходит он из той же группы, что и семья крестника или из другой. В случае выбора крестного родителя из своей же группы говорится о закрытости группы (bonding). Другими словами, посредством фиктивного родства происходит укрепление внутригрупповых связей. В противном же случае мы говорим о размыкании границ группы (bridging) – построении «мостов» между разными группами. В связи с этой темой важную роль играет наличие или отсутствие правил, каким-либо образом влияющих на выбор крестного. В условиях свободы выбора, как было в Католической Церкви до Тридентского собора или в лютеранской Церкви, сеть крестного родительства получалась большой и разнообразной. Чаще всего люди выбирали в качестве крестного человека выше них по социальной иерархии, и таких крестных могло быть много. Соответственно, в данном случае крестничество работало на размыкание границ группы и установление социальных связей. Так, немецкие мигранты в Лондоне 18-19 вв. выбирали своих партнеров по бизнесу в качестве крестных родителей для своих детей. Через установление подобной связи укреплялись отношения доверия, что благоприятно сказывалось на ведении бизнеса в контексте слабо развитых институтов торговли (Beerbühl, 2011). Кроме того, отношения могли создаваться не только между разными социальными слоями внутри одного сообщества, но даже и между государствами (Vidali, 2022). В случае же Католической Церкви Тридентский собор вводит ограничения на возможное количество крестных

⁹ Также можно говорить о социальном размещении (social placement) в иерархической структуре сообщества относительно других индивидов/групп. См., например, (Mendes, 2012).

родителей у одного ребенка¹⁰. Исследователи отметили, что при соблюдении данных предписаний социальные группы начали закрываться, то есть у ребенка крестными родителями чаще всего становились люди из того же самого социального слоя (Stojanović, Lonza, 2015). Кроме того, необходимо отметить, что крестное родительство могло быть использовано не только для установления новых социальных связей, то также и для поддержания уже существующих (Fertig, 2009:) – дружбы или родственных связей. Например, в одном из исследований была найдена следующая закономерность: первым детям родители выбирают тех крестных, с которыми у них наиболее тесная и близкая связь (Foster, 1969).

Как видно из приведенного обзора, методологически исследованные темы построены вокруг анализа критериев отбора крестных родителей для ребенка. Крестник в этом случае служит связующим звеном между биологическими и крестными родителями. Здесь и возникает вопрос о социальном капитале, в первую очередь восприимчивых ребенка. Так как таинство Крещения накладывает определенные обязательства на крестных родителей в отношении ребенка, то все исследователи сходятся в том, что в первую очередь биологические родители обращают внимание на возможности предполагаемых крестных. Согласно христианскому учению, крестные родители отвечают за религиозное воспитание ребенка. В исследованиях же указывается на определенные социальные ожидания биологических родителей. Здесь как раз и рассматривается обладание крестными родителями различного вида материальными и нематериальными ресурсами. Отмечается, что в случае гибели биологических родителей заботу о ребенке берут на себя крестные родители.

Вместе с этим биологические родители стараются выбрать в крестные своему

ребенку человека, располагающего социальными связями и престижем в сообществе. Потому низшие классы стараются выбрать человека из класса повыше. Через эти каналы может происходить восходящая мобильность в обществе и нивелироваться эффекты неравенства в широкой социальной структуре (Mendes, 2012).

Особенно ярко взаимные ожидания и передача ресурсов через сети фиктивного родства показана исследователями Роуз Эбау и Марии Карри при изучении сообщества иммигрантов в г. Нью-Йорк и г. Хьюстон (США) (Ebaugh, Curry, 2000). Они используют теорию социального капитала П. Бурдьё. Их главный тезис заключается в том, что различные системы фиктивного родства помогают иммигрантам лучше адаптироваться в новой для них среде. Сеть фиктивного родства активизирует имеющийся у иммигранта социальный капитал. Его фиктивные родственники могут помочь ему в разных проблемных ситуациях. Например, помощь с поиском работы, бескорыстная финансовая поддержка нуждающихся, а в случае смерти родителей – это возможность взять детей к себе и вырастить их (Ebaugh, Curry, 2000: 202). При этом, когда речь заходит уже о подросших крестниках, то крестными родителями может ожидаться какая-либо помощь уже с их стороны. В этой связи в статье дается пример бездетной пары, которая позволила жить их крестнику с ними и ждет от него помощи и заботы. С другой стороны, стоит отметить, что иммигранты рассматриваются авторами как тип людей, которые оказались на переходном этапе между традиционными и современными обществами. Информант-католик из Гондураса отметил свое удивление тем фактом, что много католиков американцев не поддерживают отношения со своими крестными или даже не знают, кто они (Ebaugh, Curry, 2000: 196).

¹⁰ В этом плане классическим исследованием влияния Тридентского собора на практики крестничества

представлен у итальянского исследователя Г.Альфани. С обзором его идей можно ознакомиться в этой статье (Юрченко, 2022: 136-145).

Кроме того, крестное родительство позволяет сохранять традиции и преемственность в чужой стране, что в свою очередь, помогает сохранить этническую идентичность. Также оно является способом социального контроля, так как в сообществах важны репутация, социальная солидарность и взаимное сотрудничество. Социальный контроль распространяется на создание семейных отношений, контролируя вступление в брак (Ebaugh, Curry, 2000: 201-202).

Заключение (Conclusions). В данной статье мы обозначили основные возможности, которые предоставляет сетевой подход к анализу сетей духовного родства, а также описали его ограничения. Как видно из результатов исследований связи, порождаемые семьями крестных родителей и детей имеют целый набор сетевых эффектов для семей и экономики как традиционных, так и переходных обществ, связанные с укреплением сообществ, статусной дифференциацией, а также и наведением «мостов» между разными сообществами, городами и странами. Обобщая результаты исследований крестного родительства можно обнаружить некоторые общие черты, которые обсуждают авторы. Во-первых, они указывают на социальную специфику крестного родительства связанную с фактом укрепления или расширения социального доверия, которое опирается на факт духовной близости между семьей крестного и крестника. Во-вторых, они указывают на то, что реальность крестного родительства как правило складывается на пересечении каркаса определенных церковных догматов христианской теологии и их трансляции, адаптации в местной локальной культуре, что создает вариативность случаев, а также может объяснить институциональные различия между Западным (compradrazgo) и Восточным (kumstvo).

В-третьих, отношения крестного родительства и более широкой сети складываются в основном из обрядов жизненного цикла (крещение каждого ребенка, конфирмация (у католиков), венчание), что позволяет говорить о мобилизации сообщества и актуализации связей духовного родства вокруг христианских праздников. В-четвертых, традиция крестного родительства указывает на определенные идеалы большой семьи, которая преодолевает границы кровного родства, одновременно выступая медиатором для поддержания родственных связей. В-пятых, фигура крестного родителя наделена определенными статусными привилегиями в сообществе, что как правило указывает на его высокое положение и патронажный характер отношений между восприимчиком и крестником. Материалом для обзора выбраны статьи, написанные по результатам социально-исторических исследований Европейских регионов, в которых преобладают католические приходы. К сожалению, подобного рода сетевых исследований на историографии православных приходов как в России¹¹, так и за рубежом не встречается, в силу слабой разработанности методологии работы с метрическими данными. Вместе с тем в антропологической традиции можно найти несколько примеров подобных исследований крестного родительства в православной Греции и на Балканах, реализованных на материалах наблюдений и интервью, где также делаются выводы о парадоксальной специфике связей, порождаемых духовным родством (кумовством) (Du Boulay, 1984; Hammel, 1968). Представленный обзор может способствовать формулированию исследовательских гипотез для тестирования на данных православных приходов и сообществ.

¹¹ Результаты всероссийского опроса по теме крестного родительства представлены в монографии (Борисова, 2022).

Список литературы

«Партнерский приход»: Сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века / Врублевская П., Забаев И., Орешина Д. А., Павлюткина Е. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 328 с.

Борисова О. Н. Крёстные и крестники в современной России: по материалам социологического опроса. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. 124 с.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31-50.

Косвен М. О. Кто такой крестный отец? // Советская этнография. 1963. № 3. С. 95-107.

Юрченко Е. А. Социальные связи: духовное родство и феномен доверия в социологических исследованиях Гвидо Альфани // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, № 4. С. 136-145. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-13.

Юрченко И. А., Юрченко Е. А. Социальные аспекты поручительства при крещении взрослых людей в позднеантичную эпоху // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (23). (на правах рукописи).

Alfani G., Munno C. Godparenthood and social networks in an Italian rural community: Nonantola in the sixteenth and seventeenth centuries // *Spiritual Kinship in Europe, 1500-1900*. London: Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 96-123.

Alfani G., Gourdon V., Vitali A. 2012. Social Customs and Demographic Change: The Case of Godparenthood in Catholic Europe // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2012. Is. 51, № 3. Pp. 482-504.

Anderson G. Il Comparaggio: The Italian Godparenthood Complex // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1957. Is. 13, № 1. Pp. 32-53.

Aschenbrenner S. E. Folk Model vs. Actual Practice: The Distribution of Spiritual Kin in a Greek Village // *Anthropological Quarterly*. 1975. Is. 48. № 2. Pp. 65-86.

Barnes J. A. Class and committees in a Norwegian island parish // *Human relations*. 1954. Is. 7. № 1. Pp. 39-58.

Beerbühl M. S. Commercial Culture of Spiritual Kinship amongst German Immigrant Merchants in London, c. 1750-1830 // *Commerce and Culture*. London: Routledge, 2011. Pp. 225-54.

Carvalho J. R., Ribeiro A. I. Using Network Analysis on Parish Registers: How Spiritual Kinship Uncovers Social Structure // *Bridging the Gaps:*

Sources, Methodology and Approaches to Religion in History. Pisa, 2008. Pp. 171-86.

Coleman, J. S. Social capital in the creation of human capital // *American journal of sociology*. 1988. Vol. 94. Pp. 95-120.

Du Boulay J. Symbolic Relationships between Descent, Marriage, Incest Prohibitions and Spiritual Kinship in Greece // *Man, New Series*. 1984. Is. 19. №. 4. Pp. 533-556.

Ebaugh H. R., Curry M. Fictive Kin as Social Capital in New Immigrant Communities // *Sociological Perspectives*. 2000. Is. 43. № 2. Pp. 189-209.

Fertig C. Rural Society and Social Networks in Nineteenth-Century Westphalia: The Role of Godparenting in Social Mobility // *Journal of Interdisciplinary History*. 2009. Is. 39. № 4. Pp. 497-522.

Foster G. Cofradia and compadrazgo in Spain and Spanish America // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1953. № 9. Pp. 1-28.

Foster G. M. Godparents and Social Networks in Tzintzuntzan // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1969. Is. 25. № 3. Pp. 261-78.

Gudeman S. The Compadrazgo as a Reflection of the Natural and Spiritual Person // *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1971. № 1971. Pp. 45-71.

Hammel E. A. Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1968. 110 p.

Heady P. Priests and Midwives: Godparenthood and the Cognitive Framing of Kinship and Local Ties // *Journal of Family History*. 2018. Vol. 43, № 1. Pp. 88-98.

Hristov P. Bulgarian Ritual Kinship (Kumstvo): Old Patterns, Established Beliefs, and New Trends // *Journal of Family History*. 2018. Vol. 43. № 1. Pp. 72-87.

Ipšić I., Lazarević I., Stojanović V. Informal Power Structures and Godparent Networks of the Ragusan Nobility in the Second Half of the Eighteenth Century // *Dubrovnik Annals*. 2017. Is. 21. Pp. 31-46.

Lynch J. H. Godparents and kinship in early medieval Europe. Princeton: Princeton University Press, 1986. 400 p.

Marttila J. Beyond the Family and the Household: Occupational Family Networks // *Journal of Family History*. 2010. Is. 35. № 2. Pp. 128-46.

Mendes F. F. Inequality and Social Networks: Spiritual Kinship, Slavery and Illegitimacy in Nineteenth-Century Minas Gerais, Brazil // *Workshop Historical Inequality and Mobility: New Perspectives in the Digital Era*. University of Guelph. 2012.

Mintz S. W., Wolf E. R. An Analysis of Ritual Co-Parenthood (Compadrazgo) // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1950. Vol. 6, № 4. Pp. 341-368.

Pescosolido B., Smith E. B. Personal networks: Classic readings and new directions in egocentric analysis. Cambridge University Press, 2021. 768 p.

Pitt-Rivers J. Ritual Kinship in Spain // *Transactions of the New York Academy of Sciences. Series II*. 1958. Is. 20. № 5. Pp. 424-431.

Pitt-Rivers J. The Kith and the Kin. In: Jack Goody (Ed.), *The Character of Kinship*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. Pp. 89-105.

Pitt-Rivers J. A. Ritual Kinship in the Mediterranean: Spain and Balkans. In: Peristiany J. G. (ed). *Mediterranean Family Structures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. Pp. 317-334.

Pitt-Rivers J. A. Pseudo-kinship // Sills D. L. (ed). *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 8. New York: Macmillan and Free Press, 1968. Pp. 408-413.

Stojanović V, Lonza N. Godparenthood in Eighteenth-Century Dubrovnik: Children, Parents and Godparents as Knots of Social Networks // *Dubrovnik Annals*. 2015. Is. 19. Pp. 71-98.

Tait C. Spiritual Bonds, Social Bonds: Baptism and Godparenthood in Ireland, 1530-1690. *Cultural and Social History*. 2005. Is. 2. № 3. Pp. 301-327.

Vidali A. Political and Social Aspects of Godparenthood in Early Modern Venice: Spiritual Kinship and Patrician Society // *Journal of Early Modern History*. 2022. Is. 26. Pp. 429-55.

van Den Berghe G., van Den Berghe P. L. Compadrazgo and Class in Southeastern Mexico // *American Anthropologist. New Series*. 1966. Is. 68. № 5. Pp. 1236-1244.

Vasile M., Cash J.R., Heady P. Contemporary Godparenthood in Central and Eastern Europe: Introduction // *Journal of Family History*. 2018. Vol. 43, № 1. Pp. 3-11.

References

Vrublevskaya, P., Zabaev, I., Oreshina, D., and Pavlyutkina, E. (2018), «Partnerskiy prihod»: Sotrudnichestvo svyashchennikov i miryan v razvitii sotsialnoy deyatel'nosti v prikhodah RPC v nachale XXI veka [Partnership parish]: cooperation of priests and laity in the development of the Russian Orthodox Church parishes social work in the beginning of the XXI century], PSTGU, Moscow, Russia (In Russian)

Borisova, O. (2022), *Kryostnyye i krestniki v sovremennoy Rossii: po materialam sotsiolog-icheskogo oprosa* [Godparents and Godchildren in Russia (Based on Sociological Survey)], Publishing

House of Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia (In Russian)

Granovetter, M. (2009), "The strength of weak ties", *Economic Sociology*, 10(4), 31-50. (In Russian)

Kosven, M. O. (1963), "Who is the godfather?", *Soviet Ethnography*, (3), 95-107. (In Russian)

Yurchenko, E. (2022), "Social Ties: Spiritual Kinship and the Phenomenon of Trust in the Sociological Studies of Guido Alfani", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8(4), 136-145. (In Russian)

Yurchenko, I., and Yurchenko, E. (2024), "Social Aspects of Surety in Adult Baptism in the Late Antique Era", *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*, 3 (23) (the manuscript). (In Russian)

Alfani, G., Gourdon, V., & Vitali, A. (2012), Social customs and demographic change: The case of godparenthood in Catholic Europe, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 51(3), 482-504.

Alfani, G., and Munno, C. (2012), "Godparenthood and social networks in an Italian rural community: Nonantola in the sixteenth and seventeenth centuries", in *Spiritual Kinship in Europe, 1500-1900*. Palgrave Macmillan, London, 96-123.

Anderson, G. (1957), Il comparaggio: the Italian godparenthood complex, *Southwestern Journal of Anthropology*, 13(1), 32-53.

Aschenbrenner, S. E. (1975), Folk model vs. actual practice: the distribution of spiritual kin in a Greek village, *Anthropological Quarterly*, 65-86.

Barnes, J. A. (1954), Class and committees in a Norwegian island parish, *Human relations*, 7(1), 39-58.

Beerbühl, M. S. (2011) "Commercial Culture of Spiritual Kinship amongst German Immigrant Merchants in London, c. 1750-1830", in *Commerce and Culture*, Routledge, London, 225-54.

Carvalho, J. R. and Ribeiro, A. I. (2008), *Using Network Analysis on Parish Registers: How Spiritual Kinship Uncovers Social Structure, Bridging the Gaps: Sources, Methodology and Approaches to Religion in History*, Pisa, 171-86.

Coleman, J. S. (1988), Social capital in the creation of human capital, *American journal of sociology*, 94, 95-120.

Du Boulay, J. (1984), Symbolic Relationships between Descent, Marriage, Incest Prohibitions and Spiritual Kinship in Greece, *Man, New Series*, 19(4), 533-556.

Ebaugh, H. R. and Curry, M. (2000), Fictive Kin as Social Capital in New Immigrant Communities, *Sociological Perspectives*, 43(2), 189-209.

Fertig, C. (2009), Rural Society and Social Networks in Nineteenth-Century Westphalia: The Role of Godparenting in Social Mobility, *Journal of Interdisciplinary History*, 39(4), 497-522.

Foster, G. M. (1953), Cofradia and compadrazgo in Spain and Spanish America, *Southwestern Journal of Anthropology*, 9(1), 1-28.

Foster, G. M. (1969), Godparents and Social Networks in Tzintzuntzan, *Southwestern Journal of Anthropology*, 25(3), 261-78.

Gudeman, S. (1971), The compadrazgo as a reflection of the natural and spiritual person, *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, (1971), 4-71.

Hammel, E. A. (1968), *Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs.

Heady, P. (2018), Priests and Midwives: Godparenthood and the Cognitive Framing of Kinship and Local Ties, *Journal of Family History*, 43(1), 88-98.

Hristov, P. (2018), Bulgarian Ritual Kinship (Kumstvo) Old Patterns, Established Beliefs, and New Trends, *Journal of Family History*, 43(1), 72-87.

Ipšić, I., Lazarević, I., and Stojanović, V. (2017), Informal Power Structures and Godparent Networks of the Ragusan Nobility in the Second Half of the Eighteenth Century, *Dubrovnik Annals*, 21, 31-46.

Lynch, J. H. (2019), *Godparents and kinship in early medieval Europe*, Princeton University Press.

Mintz, S. W., & Wolf, E. R. (1950), An analysis of ritual co-parenthood (compadrazgo), *Southwestern Journal of Anthropology*, 6(4), 341-368.

Marttila, J. (2010), Beyond the Family and the Household: Occupational Family Networks, *Journal of Family History*, 35(2), 128-46.

Mendes, Fabio F. (2012), Inequality and Social Networks: Spiritual Kinship, Slavery and Illegitimacy in Nineteenth-Century Minas Gerais, Brazil, *Workshop Historical Inequality and Mobility: New Perspectives in the Digital Era*. University of Guelph, Guelph, Canada, 26-27 May.

Pescosolido, B., and Smith, E. B. (2021), *Personal networks: Classic readings and new directions in egocentric analysis*, Cambridge University Press, Cambridge.

Pitt-Rivers, J. (1958), Section Of Anthropology: Ritual Kinship in Spain, *Transactions of the New York Academy of Sciences*, 20(5 Series II), 424-431.

Pitt-Rivers, J. A. (1968), Pseudo-kinship, in Sills, D. L. (ed), *International Encyclopedia of the Social Sciences*, 8, Macmillan and Free Press, New York, 408-413.

Pitt-Rivers, J. (1973), The kith and the kin. In: Jack Goody (Ed.), *The Character of Kinship*, Cambridge: Cambridge University Press, 89-105.

Pitt-Rivers, J. (1976), Ritual kinship in the Mediterranean: Spain and the Balkans, *Mediterranean family structures*, 317-334.

Stojanović, V., and Lonza, N. (2015), "Godparenthood in Eighteenth-Century Dubrovnik: Children, Parents and Godparents as Knots of Social Networks", *Dubrovnik Annals*, 19, 71-98.

Tait, C. (2005), Spiritual bonds, social bonds: baptism and godparenthood in Ireland, 1530-1690, *Cultural and Social History*, 2(3), 301-327.

van den Berghe, G., & van den BERGH, P. L. (1966), Compadrazo and Class in Southeastern Mexico, *American Anthropologist*, 68(5), 1236-1244.

Vasile, M., Cash, J. R., & Heady, P. (2018), Contemporary godparenthood in central and eastern Europe: Introduction, *Journal of Family History*, 43(1), 3-11.

Vidali, A. (2022), Political and Social Aspects of Godparenthood in Early Modern Venice: Spiritual Kinship and Patrician Society, *Journal of Early Modern History*, 26, 429-55.

Статья поступила в редакцию 21 января 2024 г. Поступила после доработки 06 февраля 2024 г. Принята к печати 01 марта 2024 г. Received 21 January 2024. Revised 06 February 2024. Accepted 01 March 2024.

*Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.*

Павлюткин Иван Владимирович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского университета, Москва, Россия.

Ivan V. Pavlyutkin, Candidate of Sociological

Sciences, Senior Researcher at the Sociology of Religion Laboratory in St. Tikhon's University, Moscow, Russia.

Зуева Анна Владимировна, научный сотрудник Лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского университета, Москва, Россия.

Anna V. Zueva, Research Fellow at the Sociology of Religion Laboratory in St. Tikhon's University, Moscow, Russia.